

Шведские мечты о реванше

Но до этого в описываемый период было далеко. Дай Бог справиться с мелкими шведскими судами, которые не давали русским выйти в море из Финского залива! Нужно учесть, что после неудачных для шведов кампаний 1702 г. (потеря Нотебурга и контроля за Ладогой) и 1703 г. (потеря Ниеншанца, Копорья, Ямбурга, укрепление русских по всему течению Невы) шведское командование наконец-то поняло всю серьезность своего положения в Восточной Прибалтике. Угроза нависла непосредственно над Нарвой и Иван-городом, отъезжать от стен которых из-за дерзких действий русских вооруженных партий стало небезопасно. Уже в 1703 г. из

³⁴ АСПБии. Ф. 270. Оп. 1. Д. 82. Л. 100.

Ревеля, согласно «Ведомостям», местный корреспондент писал: «И о том печалимся, что Москва уже укоренилась в земле нашей взятъем Ноттебурга, и Канец, Ямы, Капуннер (Жопорье. — Е. А.), крепкие города своими людьми осадили и с сильным войском впредь идти намерены во Ингерманландскую землю и уже готовы стоять».³⁵ Думаю, что в сообщении отражаются реальные настроения населения Лифляндии, Эстляндии и Финляндии, оставленного своим королем перед огромной и активной русской армией. Весной 1704 г. русские разъезды были в 10 милях от Дерпта, они сожгли и разграбили окрестные земли так, что «люди зело бегут в земле той и сказывают, что многие огни везде видны и опасаются, что московские войска нападение учинят в Лифляндию». Именно это и произошло уже ближе к лету.³⁶ Конечно, на местных жителей производили особенно устрашающее впечатление лихие и крайне жестокие набеги башкир, татар и запорожцев, входивших в состав иррегулярных войск. И тогда, и впоследствии жителям тихих городов Европы казалось, что вернулись времена Атиллы и Чингисхана. Пользуясь предоставляемой им свободой «поиска» на территории противника, татары и башкиры нападали на хутора и деревни, разоряли их дотла, а жителей и скот угоняли.³⁷

Отступление

«Чухна не смирны...»

Не забудем, что Петр и первые петербуржцы были пришлыми, новыми людьми. Было бы неверно думать, что местное население (в том числе и русское) единодушно и радостно приветствовало приход армии Петра I. Сюда, на берега Невы, за ближний пограничный рубеж, из России бежали во множестве помещичьи крестьяне и холопы. Приветствуя завоевание Ниеншанца, А. А. Винуус писал 12 мая 1703 г.: «Веселитесь, российскийки под гнетом железным шведские неволи стонящие людие, яко прииде избавление ваше».³⁸ На самом деле все было как раз наоборот. Жизнь беглецов под шведским владычеством не была особенно тяжелой, поэтому приход русской армии не обрадовал их — беглые знали, какие длинные руки у сыщиков, которых нанимали помещики для поиска непослушных холопов и крестьян. Вообще, в Ингрии, крае суровом, жили люди своевольные. Шведский генерал-губернатор Ингерманландии Йёран Сперлинг, не раз сталкивавшийся с упрямством местных жителей, которые не хотели платить некоторые налоги и дерзко жаловались на администрацию самого королю, писал: «Народ здесь своенравный, как в сельской местности,

³⁵ Ведомости времени Петра Великого. М., 1903. Вып. 1. 1703—1707 гг. С. 68 (далее: Ведомости).

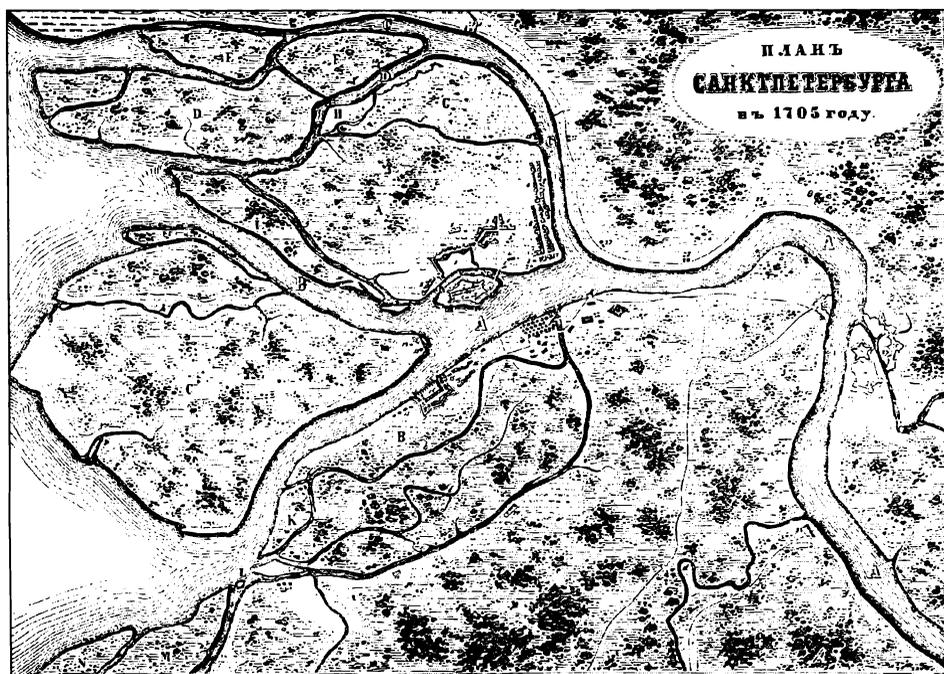
³⁶ Там же. С. 137.

³⁷ Там же. С. 116.

³⁸ ПВП. Т. 2. С. 539.

так и в городах, и он, конечно, требует некоторого наказания». ³⁹ Не будем также забывать, что военным действиям непременно сопутствовали насилие и грабежи. Русские солдаты грабили «свейские пределы», тем же занимались шведы, вторгаясь через границу на русскую территорию.

В своих челобитных крестьяне нескольких погостов Водской пятины Новгородской земли жалуются, что «неприятельские шведские воинские люди приходили в твою, государь, сторону, в Водскую пятину... церкви Божии и помещиков наших дома и деревни пожгли и разорили без остатку, и хлеба стоячие и молочные вывезли, и скот всякий выгнали, и крестьян побили и поранили и в полон поимали». ⁴⁰

План Петербурга 1705 г.

Русское воинство в этом отношении мало отличалось от шведского — впрочем, война без грабежей и насилия вообще невозможна. И хотя Петр требовал, чтобы солдаты щадили население «отчин и дедин» («В Ижорской земле никакого разорения не чинить»), указы царя, как видно из документов того времени, не исполнялись. Отток местного населения из

³⁹ Кенсу С. Петербург до Петербурга: История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2001. С. 104.

⁴⁰ История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма. СПб., 1994. С. 158.

Ниена и его округи начался, как уже сказано, еще осенью 1702 г. Январские 1703 г. «Ведомости» опубликовали сообщение из Ниена от 16 октября 1702 г.: «Мы здесь живем в бедном постановлении, понеже Москва в здешней земле зело недобро поступает и для того (т. е. — поэтому. — Е. А.) многие люди от страху отселе в Выбурк и в финляндскую землю уходят, взяв лучшие пожитки с собою».

Те, кто не поступил так благоразумно вовремя, несомненно вскоре раскаялись в своем легкомыслии и недалёковидности. Из дел, отложившихся в шведских архивах, известно, что русские солдаты грабили и убивали жителей, устраивали на них охоту, прочесывая окрестные леса вокруг брошенных ими деревень и мыз. Весной 1702 г. суд в Ниене рассматривал дело Лизы Куукка, задушившей своего младенца. Оказалось, что она, вместе с жителями своей деревни Нахкала (на реке Славянка), бежала в лес и спряталась вместе с другой женщиной под верхушкой поваленной сосны. Однако солдаты обнаружили товарку Лизы и убили ее тремя выстрелами. Лизу же с ребенком под сосной они не разглядели. «Лиза спаслась, но была вынуждена сильно прижимать ребенка к груди, чтобы он не плакал и не раскрыл их убежища. Когда опасность миновала, Лиза увидела, что ребенок задохнулся». Так записано в судебном деле. Суд снял с женщины обвинение в предумышленном убийстве ребенка из-за чрезвычайных обстоятельств.⁴¹ Тех, кого не убили солдаты, ждала тяжелая участь. Известно, что как раз в 1702—1704 гг. в России понизились цены на полоняников — тех военнопленных и мирных жителей прибалтийских городов и мыз, которых приводили из захваченных городов и продавали как рабов русские офицеры и солдаты, а особенно запорожцы, татары и башкиры — воины, наиболее безжалостные и опытные в захвате и перепродаже «полона». Картина эта мало изменилась и впоследствии. Ю. Юль, находившийся в Петербурге в 1710 г., уже после взятия русскими Выборга, сообщал, что в Петербурге женщин и детей повсюду продавали задешево, преимущественно казаки.

Бегство населения из Ингрии продолжалось несмотря на указ Петра разослать по всей Прибалтике предупредительные извещения о том, что солдатам русской армии насилия запрещены, что «все бесчинства против (т. н. в нарушение. — Е. А.) указу его учинены» и что тех из местных жителей, кто останется на месте и будет просить защиты государя, царь «от всех податей и налогов свободит».⁴² Но это не успокаивало местное население. С началом кампании вокруг Ниеншанца русские войска столкнулись даже с сопротивлением мирных жителей. В мае 1703 г. фельдмаршал Б. П. Шереметев, главнокомандующий армией, писал Петру об ижорцах: «Чухна не смирны, чинят некия пакости и отсталых стреляют, и малолюдством проезжать трудно и

⁴¹ Кенсу С. Петербург до Петербурга. С. 110.

⁴² Ведомости. С. 4, 8.

*русские мужики к нам неприятны: многое число беглых из Новгорода, и с Валдая, и ото Пскова, и добры они [более] к шведам, нежели к нам».*⁴³

В планы шведского командования на 1704 г. входили как оборонительные, так и наступательные операции. Шведам нужно было во что бы то ни стало удержать оставшиеся в их руках опорные пункты обороны: Нарву, Выборг, Кексгольм — и попытаться сбить русских с линии Шлисельбург—Петербург—Кроншлот. От разведчиков и перебежчиков они знали, что Петербург стал уже мощной крепостью. В донесении командующего армией в Финляндии генерала И. Г. Манделя от 24 июля 1704 г. отмечено: «Петербург очень хорошо основан и укреплен; его положение таково, что он может стать одновременно и сильной крепостью, и процветающим торговым городом; если царь сохранит его в течение нескольких лет, то его власть на море станет значительной».⁴⁴ Как раз этого шведы не хотели допускать.

Между тем русскому командованию приходилось держать ухо востро — на севере противник стоял за рекой Сестрой, то есть весьма близко от Петербурга. Здесь шведы опирались в своих действиях на мощную крепость Выборг. Шведская Нарва «висела» с другого, южного, фланга обороны русской Ингерманландии. Новое, более серьезное столкновение русских и шведских сил под стенами Нарвы становилось неизбежным. Как писал в марте 1704 г. Меншикову П. М. Апраксин, по его сведениям, «в Нарве все прежнее, живут во многом страхе».⁴⁵ 24 января 1704 г. полковник А. Балабанов сообщал Меншикову о поимке в Ямбургском уезде «шпики», которого генерал И. И. Чамберс «приказал... при себе пытать и [тот] с пытки сказал: „Послал-де ево из Ругодива (Нарвы. — Е. А.) генерал-мазор ругодивской (комендант Горн. — Е. А.) для проводыванья [по] деревням силы конных и пехотных полков, что в которой деревне стоит“».⁴⁶ Опасения коменданта Горна были не напрасны: в начале апреля 1704 г. отряд драгун, форсировав Нарову, перешел на эстляндскую сторону и устроил страшный погром по Ревельской дороге — были сожжены мызы и деревни, убиты около 200 человек, а 15 апреля русские драгуны напали на караульную у самого рва Иван-города, уничтожив шесть караульных солдат. Нападавших пришлось отбивать орудийным огнем с бастионов крепости.⁴⁷

Со своей стороны, русские тоже опасались неожиданных действий противника. Заняв Ингерманландию, они унаследовали от шведов обшир-

⁴³ Журналы Шереметева. М., 1778. С. 126.

⁴⁴ Базарова Т. А. Санкт-Петербург на шведском плане начала XVIII века // ПЧ-96. С. 46.

⁴⁵ АСПБии. Ф. 276. Оп. 1. Д. 108. Л. 53.

⁴⁶ Там же. Л. 23—24.

⁴⁷ Там же. Л. 65, 75.

ное пространство вдоль побережья Финского залива, которое следовало оборонять или хотя бы контролировать. Войска были сначала сосредоточены в Ямбурге, Копорье и на Дудергофских высотах — здесь, как уже сказано выше, при шведах были оборонительные укрепления в Дудергофской мызе. В Ямбурге стоял П. М. Апраксин, в распоряжении которого было 2456 человек, но воевода считал, что этих сил для сопротивления шведам ему недостаточно.⁴⁸

С приходом зимы у русских возникли новые проблемы. Генерал князь А. И. Репнин, под началом которого было пять полков (четыре тысячи солдат), держал штаб в Дудергофе. Он писал в феврале 1704 г. Меншикову: «А ныне для опасения, что море стало и чтоб не было приходу неприятельскова чрез море (по льду. — *Е. А.*) на те станцы[и] из Ругодева и Выбору (Выборг. — *Е. А.*), которые мои полки солдацкие стояли от моря за Копорьем кругом Дудергофской мызы, все я перевожу и ставлю на станциях подле моря в самых крайних деревнях». Обеспечить непрерывность цепи «станций» — постов вдоль берега залива — было трудно: «А деревень много было, в которых салдатом и драгуном не досталось стоять».⁴⁹